

LITERATURE OF THE EAST
Folklore Studies
ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА
Фольклористика

Научная статья

Филологические науки

УДК 398.1

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-420-431>

Предания о переселении из Монголии в фольклоре
и исторических хрониках бурят

Зинаида Анциферовна Дебенова^{1,2}, Александр Викторович Исаков^{1,3}

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,

² debенова@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8824-6624>

³ alexandr_isakov98@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-9683>

Аннотация. В статье рассмотрены предания о переселении из Монголии, зафиксированные в устной традиции и исторических хрониках бурятских родов и племен. Установлено, что такие предания характерны для исторической традиции хори-бурят, хонгодоров, сартулов, сонголов, атаганов, ашебагатов, табангутов, хатагинов, бурят Подгородного и Узонова родов и ряда других. В структуре всех преданий о переселении из Монголии выделяется два основных компонента. Первый — рассказ о тяжелой жизни в эпоху монгольских междоусобиц, о разногласиях и конфликтах с монгольскими ханами, о бегстве на север в поисках лучшей жизни. Второй компонент составляет повествование о поселении на новых благодатных землях и приходе под защиту доброго и справедливого «Белого царя», об установлении новой, мирной и упорядоченной, жизни. Можно заключить, что в исторической традиции этих сообществ данные предания служили «мифами основания», обосновывающими их идентичность в качестве отделившихся от других монголов и принявших российское подданство этнических групп.

Ключевые слова: бурятский фольклор; бурятские исторические предания; бурятские исторические хроники; миф основания; историческая память

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания (проекты № 121031000259-6 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000302-9 «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI в. в контексте межцивилизационного взаимодействия»).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Дебенова З. А., Исаков А. В. Предания о переселении из Монголии в фольклоре и исторических хрониках бурят. *Ориенталистика*. 2024;7(2):420–431. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-420-431>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-420-431>

Philology studies

Narratives about migration from Mongolia in folklore and historical chronicles of the Buryat people

Zinaida A. Debenova^{1,2}, Alexander V. Isakov^{1,3}

¹ Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

² debenova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8824-6624>

³ alexandr_isakov98@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-9683>

Abstract. The article examines the narratives regarding the migration from Mongolia, which constitute a part of the oral narrative tradition and historical chronicles of several Buryat ethnic groups. The research has shown that these narratives are typical for the historical traditions of ethnic groups, such as Khori, Khongodor, Sartul, Songol, Atagan, Ashebagat, Tabangut, Khatagin, Podgorodny and Uzon and some others. The authors identify two main components common for all of these narratives. The first one describes the hardships of life during the era of Mongol civil strife, the disagreements and conflicts with the Mongol khans and the exodus to the North in search of a better life. The second component deals with the subsequent settlement in the new lands. These lands were protected by the good and righteous “White Tsar”, and the exodus itself resulted in a new peaceful life. The authors conclude that in the groups above these narratives served as the “myths of foundation”. This myth substantiated their identity as groups that separated from other Mongols and accepted Russian allegiance.

Keywords: Buryat folklore; Buryat historical legends; Buryat historical chronicles; myth of foundation; historical memory

Acknowledgements: The article was funded by the State Projects (No. 121031000259-6 “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”, No. 121031000302-9 “Literary monuments of the peoples of Russia and Inner Asia written the languages of the East and archival documents of the 18th – early 21st cent. in the framework of the interrelation between civilisations”).

For citation: Debenova Z. A., Isakov A. V. Narratives about migration from Mongolia in folklore and historical chronicles of the Buryat people. *Orientalistica*. 2024;7(2):420–431. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-420-431>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

Общеизвестно, что бурятский народ состоит из ряда этнических групп (по-русски их обычно называют племенами и родами), каждая из которых имеет собственную историю до того момента, когда они оказались объединены в единую национальную общность. Эта история сохранилась в виде устных преданий, а у некоторых групп — и в виде письменных хроник, составлением которых занимались буряты, жившие в ведомстве Хоринской, Селенгинской и Баргузинской степных дум.

С точки зрения фольклористики наибольший интерес в традиционных повествованиях об истории племен и родов представляют их повторяющиеся, типичные мотивы, по которым мы можем судить о закономерностях сложения подобных нарративов. Один из таких мотивов, который мы обнаруживаем в преданиях разных групп бурят о своем прошлом, — мотив переселения, положившего начало истории племени или рода в его современном качестве. Предания о переселениях можно разделить на разные группы в зависимости от обстоятельств описываемой миграции. Например, у ряда групп забайкальских бурят есть предания о том, как их предки переселились с западного берега Байкала. А у многих родов и племен, живущих к востоку и югу от Байкала, бытуют предания о переселении из Монголии. О них и пойдет речь в настоящей статье.

Среди исследователей бурятского фольклора первым выделил нарративы о переселениях из Монголии в особую группу текстов М. И. Тулохонов [Тулохонов, 1973, с. 61–78]. В свою очередь, исследователь бурятских исторических хроник Ц. Б. Цыдендамбаев отметил, что предания о переселении из Монголии являются «общим местом» хроник хоринских и селенгинских бурят [Цыдендамбаев, 1972, с. 101, 136]. Однако никто из исследователей вплоть до сегодняшнего дня не пошел дальше наблюдений за отдельными родовыми и племенными преданиями. Между тем, для изучения процессов формирования исторической памяти и самосознания бурятского народа было бы небезынтересно рассмотреть эти нарративы в сравнительной перспективе, ведь уже само наличие схожих по своей сути сюжетов у разных групп бурят подсказывает нам, что их появление стало следствием некой закономерности в формировании идентичности и исторической традиции этих групп.

В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть предания о переселении из Монголии как особый феномен вербальной культуры и исторического сознания бурят, проявившийся в устных и письменных текстах об истории отдельных родов и племен. Для этого мы попытаемся наиболее полно охарактеризовать распространение сюжетов о переселении из Монголии среди различных групп бурят, выявить их индивидуальные и общие черты, определить их роль в формировании идентичности и исторической памяти этих групп.

В своем исследовании мы опираемся на теоретико-методологическую базу сравнительно-типологической и структурно-семиотической фольклористики, а также на теорию и практику исследований исторической памяти.

Основным источником для нас являются опубликованные записи бурятского фольклора, сделанные в период с XIX по начало XXI в. В силу того, что

одно и то же предание может быть с незначительными различиями представлено во множестве записей, приводить здесь все существующие записи каждого предания было бы затруднительно и нецелесообразно. Поэтому далее мы будем ссылаться на ограниченный круг текстов, выбранных по критерию наибольшей репрезентативности.

Кроме фольклорных текстов, мы опираемся на тексты бурятских хроник XVIII — начала XX в. Как и в случае с фольклорными материалами, нами отобраны наиболее подробные и широко известные хроники, содержащие предания о прошлом отдельных племен и родов: хоринские хроники «Легенда о Бальжинхатун» [Туденов, 1972], «Прошлая история хоринских и агинских бурят» Т. Тобоева [Бурятские летописи, 1995, с. 5–35], «История происхождения одиннадцати хоринских родов» В. Юмсунова [Бурятские летописи, 1995, с. 36–102], сводная хроника селенгинских бурят “Бишыхан запискэ” [Бурятские летописи, 1995, с. 133–162] и «История образования Подгородного рода» Д.-Д. Гемпилона [Бурятские летописи, 1995, с. 163–169]. Привлечение текстов хроник наряду с фольклорными текстами возможно в силу того, что повествования о ранней истории бурятских племен и родов в хрониках часто совпадают с соответствующими фольклорными нарративами. Это объясняется тем, что авторы хроник нередко черпали знания об отдаленном прошлом из устных преданий. Письменные хроники также могли, в свою очередь, влиять на фольклорную традицию. Так или иначе, у нас есть основания рассматривать фольклорные предания и хроники каждого отдельно взятого бурятского рода или племени совместно — как проявление единой традиции повествования о прошлом.

Нарративы о переселении из Монголии в исторической памяти бурятских родов и племен

Сюжеты о переселении из Халха-Монголии или Внутренней Монголии на земли Забайкалья широко распространены в фольклоре бурят, проживающих на территории современных Республики Бурятия и Агинского Бурятского автономного округа Забайкальского края, а также среди представителей бурятской диаспоры в Монголии и Китае, которые являются потомками выходцев с этой территории. Встречаются подобные сюжеты и у бурят, проживающих на территории Иркутской области, однако это явление намного более редкое.

Стоит отметить, что часть подобных нарративов характеризуется развернутым сюжетом, в то время как многие другие, особенно устные, бытуют в форме небольших исторических сводок, обладающих довольно несложной композицией. В них, как правило, указывается название одного рода или группы родов, которые переселялись одновременно, либо друг за другом. Например, «восемь селенгинско-джидинских родов» [Санджэ-Сурун, 2017, с. 48, *Бурятские летописи*, 1995, с. 103]. Встречаются также варианты, в которых переселенцами являются буряты в целом [Санджэ-Сурун, 2017, с. 49]. Также обозначается время, когда происходило переселение, описываются его причины. Большое число текстов, вне зависимости от того, о каком роде или племени они повествуют, обладает рядом общих черт и практически идентичной сюжетной канвой.

Хори. О перекочевке хори-бурят из Монголии говорится в широко известном сюжете о Бальжан-хатан, который неоднократно зафиксирован как в письменных хрониках [*Бурятские летописи*, 1995, с. 6, 38; Туденов, 1972, с. 168–174], так и у носителей устной традиции [*Небесная дева лебедь...*, 1992, с. 212]. Бальжан-хатан была женой Дай Хун-тайджи, сына монгольского хана по имени Бубэй-Бэйлэ. Хоринцы были подданными супругов, которые в разных вариантах либо были переданы Бальжан ее семьей в качестве приданого невесты, либо были подарены Дай Хуй-тайджи его отцом в честь свадьбы. После смерти первой жены Бубэй-Бэйлэ женится на молодой ханше, у которой завязываются романтические отношения со своим пасынком, и ее ревность становится причиной притеснений в сторону Бальжан. Супруга уговаривает Дай Хун-тайджи откочевать и жить самостоятельно, после чего они вместе со своими подданными хоринцами уходят. Отъезд приводит в недовольство мачеху Дай Хун-тайджи, за парой начинается погоня, в результате которой в некоторых вариантах Бальжан-хатан убивают, ее супруг возвращается к отцу, а подданные остаются жить на новых землях, либо беглецы успешно уходят от погони и расселяются на новых территориях.

Хонгодоры. Предание о перекочевке хонгодоров из Монголии или Барги существует в нескольких версиях. Как правило, причины их переселения типичны для подобных сюжетов: война, непосильные налоги [Балдаев, 2019, с. 607, 611, 631, 638, 640, 643, 645]. В этих преданиях нередко упоминается отважный вождь Ута Байма, который и уводит людей на северные земли. Однако у аларских хонгодоров была записана другая версия предания о переселении. В ней причиной для переселения становится связь Бахака Ирбанова — одного из баторов Сайн-хана — с женой правителя [*Бурятские сказки и поверья*, 1899, с. 135, 137]. В одном варианте Бахака приговаривают к казни, но не убивают, а лишь отрубает большой палец. Отсутствие пальца лишало человека возможности охотиться и считалось оскорблением чести и достоинства. Отмечается, что Бахак вставляет вместо отрубленного пальца кость и не теряет способности стрелять из лука, тем не менее, затаив обиду за такое оскорбление, решает бежать при первой же возможности. В другом варианте причиной откочевки становится замена смертной казни вечным изгнанием с территорий Монголии. Во всех вариантах Бахак и его дядя по материнской линии (*нагаса*) Адай вместе с 50 воинами и их семьями откочевывают далеко на север вплоть до Аларских степей, и хонгодоры обосновываются на новых территориях. Примечательно, что в одном из вариантов Сайн-хан отправляет в погоню за беглецами Сухэр-нойона, который жестоко расправляется со всеми, кто встречается на его пути. Отметим, что Сухэр-нойон (или Шухэр-нойон) — персонаж бурятского фольклора, о котором существует много отдельных преданий [*Небесная дева лебедь...*, 1992, с. 195–196; Хангалов, 2004, с. 68–69].

Сартулы. Предания о переселении сартулов (сартолов) зафиксированы как в устной традиции [Балдаев, 2019, с. 448, 459; Санджэ-Сурун, 2017, с. 31, 38, 40, 44, 64, 66, 68, 70, 113–114], так и в хрониках селенгинских бурят [*Бурятские летописи*, 1995, с. 138]. Поводом для переселения становятся междоусобная война ханов, волнения Манжи-хана, зависимость от «китайского богдо-хана», объединение китайцев с манчжурами и их нападение на монго-

лов. В одном варианте упоминается некое преступление братьев — сыновей первого переселенца по имени Ханзан — и их последующий побег во избежание смертной казни. Типично наличие у сартулов лидера-инициатора их переселения, однако в их именах прослеживается вариативность: старейшина Хулэг (Хулэгэ), Хэнзэ (Ханзан), представитель сартулов Бухоонэй. Примечательно, что в качестве прародины данного рода нередко упоминается местность во Внутренней Монголии под названием Сарата Уула — Лунная гора, от которой, согласно сюжету, и происходит этноним «сартул». В одном варианте отмечается, что в долине этой горы до сих пор не живут монголы, так как не являются хозяевами местности, а сартулы должны вернуться туда через несколько веков. Мотив возвращения на монгольскую родину является специфичным для сартульской традиции, не встречающимся в повествованиях других племен и родов.

Сонголы. Рассказы о переселении из Монголии рода сонголов встречаются как в селенгинских хрониках [*Бурятские летописи*, 1995, с. 144], так и среди устных преданий южных бурят [Санджэ-Сурун, 2017, с. 47, 48, 60; Балдаев, 2019, с. 453, 470, 624, 669]. В фольклорных сюжетах не наблюдается отклонений от схемы побега от войн Сайн-хана и Галдан-бошогу-хана, однако в тексте «Бишихан запискэ» сонгольские лидеры уходят, «чтобы принять подданство русского царя» и «поняв, что не будет удачи на родной земле». Инициаторами переселения становятся Зая Сахулаков, Заяхан Онболоев, Ухин Хонтогорова. Также в одном из фольклорных текстов мотивом переселения служит побег от жестокого наказания хана. Правителем, в подчинении которого находились сонголы, в большинстве случаев называется Тушэту-хан.

Атаганы. В сюжетах о переселении рода атаганов ярко прослеживается мотив обиды двух братьев, Цахар Барас-батора и Хангин Цолом-хошучи (имена встречаются в разных вариантах), на своего правителя, что становится причиной для их ухода. Оказав «большие услуги» или «много помощи», братья оказались незаслуженно обделены вниманием хана и ушли. Этот сюжет фигурирует как в хрониках [*Бурятские летописи*, 1995, с. 134], так и в фольклоре [Санджэ-Сурун, 2017, с. 118]. В другой версии предания братья совершают какое-то преступление и вынуждены бежать [Балдаев, 2019, с. 456]. Встречаются и нарративы, где атаганы уходят по причине междоусобных войн [Балдаев, 2019, с. 451].

Ашебагаты. Существуют разные версии расселения этнической группы ашебагатов (ашабагатов, ашахабатов, ашехабатов) на территории Бурятии. С одной стороны, ашебагатский род — часть племени булагатов (которое происходит из Предбайкалья), а имя родоначальника Ашабагата является неотъемлемой частью булагатских родословных [Балдаев, 2019, с. 190–192]. Соответственно, их «родными» землями являются территории Предбайкалья, а именно долина реки Куды, или Оки, откуда они, согласно некоторым преданиям, по причине конфликтов с пришлыми казаками или соседними родами откочевывают на другой берег Байкала [Балдаев, 2019, с. 457, 465, 576, 585]. Однако некоторые тексты, как письменные [*Бурятские летописи*, 1995, с. 136], так и устные [Балдаев, 2019, с. 582], говорят об их монгольском происхождении. Порой ашебагаты упоминаются как часть группы из нескольких родов,

которые вместе с атаганами, сартулами, табангутами и др. покинули Монголию из-за войн и притеснений [Санджэ-Сурун, 2017, с. 48, 60].

Табангуты. В бурятских летописях переселение табангутов из Монголии на земли Российской империи связывается с притеснениями либо после смерти их правителя Сэцэн-хана, либо после того, как их отдают в приданое дочери Сэцэн-хана принцессе Ногон-Дари [Бурятские летописи, 1995, с. 139–140, 142], в другом варианте — принцессе Эрхэ тайжа, дочери Эрхэ Хон Тайжа [Балдаев, 2019, с. 630]. Имя Ногон-Дари также упоминается и в устных преданиях [Балдаев, 2019, с. 596]. Встречается и расхожая мотивировка ухода от распрей и кровопролитных войн [Балдаев, 2019, с. 463, 597]. Зафиксировано также предание, в котором табангуты уходят из улуса Тушэту-хана вслед за своим вождем Шулэ, который обнаружил у Чикоя и Джиды хорошие места для охоты [Балдаев, 2019, с. 450–451].

Рода хатагинов, подгородный и узон. В фольклорных преданиях, как правило, эти рода упоминаются совместно с рядом других этнических групп как переселившиеся из Монголии примерно в одно время [Санджэ-Сурун, 2017, с. 48, 60; Балдаев, 2019, с. 464, 480]. Причины и история их прихода на новые земли идентичны: притеснения, войны, смуты. Однако в хронике «Бишихан запискэ» история каждого из этих родов описывается отдельно [Бурятские летописи, 1995, с. 143, 147, 149]. Так, хатагинов в земли Белого царя на северный берег Байкала уводят братья Тулугэн Цохорной и Баасамжа Цохорной. Сюжет о подгородном роде связан с личностью Андахая, сына Ухин хиа-тайжи, который решает уйти, обидевшись, что вместо него правителем хошуна стал его брат. Андахай уходит, взяв с собой жену, брата и четверых детей, а на новых землях его приписывают к недавно образовавшемуся роду атаганов. Впоследствии отдельный подгородный оток образовывает уже сын Андахая по имени Амар. В хронике рода Узон говорится, что их родоначальниками были Эрдэни-дарга Магирын и Арья-багша, проживавшие в хошуне (административной единице) Пандай Ахай-засака. Они решают уйти по причине «различных притеснений», но Арья-багшу ловят и подвергают жестокому наказанию — испытанию огнем. У него получается остаться в живых, после чего его выхаживает один лама, а после смерти Пандай Ахай-засака тот наконец-то переселяется в Россию.

Другие переселившиеся из Монголии рода. Помимо описанных выше, предания о переселении из Монголии зафиксированы в фольклоре других бурятских родов: это сальджутский [Санджэ-Сурун, 2017, с. 43; Балдаев, 2019, с. 449], абадский [Балдаев, 2019, с. 451, 458, 475], галзутов [Балдаев, 2019, с. 460], харчинский [Балдаев, 2019, с. 451], тайшанатский или тайжинский [Балдаев, 2019, с. 454, 468], багатский, или баатад [Балдаев, 2019, с. 454, 467], хачинский, или хачиновский [Балдаев, 2019, с. 455, 466], хантинский [Балдаев, 2019, с. 455], онготский [Балдаев, 2019, с. 472], зунский [Балдаев, 2019, с. 476], хэрдэксский [Балдаев, 2019, с. 471] рода. Но записанные у них предания не содержат каких-либо подробностей за исключением самого факта переселения в эпоху монгольских междоусобиц, которую обычно обозначают как время войн между Сайн-ханом и Галданом-Бошокту.

Общая структура и прагматика бурятских преданий о переселении из Монголии

Остановимся теперь на устойчивых элементах структуры преданий о переселении бурятских родов и племен из Монголии.

В первую очередь, это мотивы, демонстрирующие причины ухода этих родов и племен от своих монгольских властителей. Во всех текстах так или иначе обозначается, что они покинули Монголию по причине начавшихся там междоусобных конфликтов. Однако нередко можно встретить более конкретизированное объяснение, почему та или иная группа бурят решила мигрировать. Как правило, это связано с неким противоречием между предводителями этой группы и вышестоящим правителем. Один из вариантов этого мотива — наложение чрезмерных обязанностей и ограничений, из-за которых предводитель решает уйти на новое место. Например, в одном из табангутских преданий их откочевке предшествовал запрет на ношение лука и стрел (а предводитель рода Шулэ был охотником) [Балдаев, 2019, с. 450]. Другой вариант — обида родоначальников на хана за то, что он не признал их заслуг. Такую мотивацию переселения мы обнаруживаем, например, в преданиях атаганов и подгородного рода. Еще один вариант конфликта между ханом и предводителем рода или племени связан с преступлением, которое совершает родоначальник, после чего ему приходится бежать от наказания. Таким образом объясняется переселение в некоторых преданиях хонгодоров и сартулов. Наконец, иногда переселение мотивируется конфликтом, который возникает после передачи рода или племени в приданое при бракосочетании представителей знати. Этот мотив фигурирует в преданиях племени хори и рода табангутов.

В некоторых случаях конфликт между бурятскими родоплеменными группами и монгольскими ханами получает дальнейшее развитие в мотивах бегства и преследования. Как правило, уход переселенцев описывается как самовольный и потому тайный. Иногда встречаются подробности, характеризующие попытки бурят перехитрить монгольских ханов: например, они надевают одежду и седлают коней задом наперед, чтобы замаскировать свой уход [Санджэ-Сурун, 2017, с. 49]. С этой подробностью порою связывают и происхождение этнонима «бурят»: будто бы он произошел от слова *буруу* — «неправильно» (потому что они неправильно надели одежду и оседлали коней) [Санджэ-Сурун, 2017, с. 49–50]. В ряде преданий рассказывается о том, как хан посылает вслед беглецам своих воинов, чтобы вернуть и покарать их. Так, в преданиях хори-бурят описывается преследование их воинами хана Бубэй-Бэйлэ, которые убивают их предводительницу Бальжан-хатан. В преданиях о переселении хонгодоров рассказывается о злодеяниях жестокого Сухэрнойона, который был послан в погоню за самовольно ушедшим племенем. Попытки монгольских правителей догнать и вернуть сбежавших подданных описываются и в преданиях других бурятских родов — например, табангутов [Балдаев, 2019, с. 451] и ашабагатов [*Бурятские летописи*, 1995, с. 137].

Наряду с мотивами, объясняющими уход бурятских родов и племен из Монголии, в структуре рассматриваемых преданий устойчивое место занимают мотивы, обосновывающие их поселение в местах современного проживания

ния. Одна из повторяющихся мотивировок — особая благодатность новых земель: «дрова можно добыть без топора, мясо без ножа» [Балдаев, 2019, с. 450].

Другой мотив из этого ряда — желание перейти во власть русского царя. Особенно ярко он проявляется в текстах хроник. Справедливый и милостивый «Белый царь» противопоставляется злым и мстительным монгольским ханам, в конфликте с которыми оказываются бурятские родоначальники: «решено перекочевать на север в российские земли, где правит могущественный белый царь, очень справедливый и проявляющий заботу о своих подданных» [*Бурятские летописи*, 1995, с. 137]. Иногда утверждается, что бурятские предводители изначально, уходя из Монголии, преследовали цель стать подданными российского правителя. В других случаях принятие российского подданства изображается уже как следствие переселения. Но и здесь подчеркивается милость «Белого царя», который принимает беглецов под свое покровительство и по достоинству оценивает их заслуги, в отличие от монгольских ханов — например, в хронике атагинов: «Вести о доблестных делах братьев достигли белого царя и, желая одарить братьев, он выделил им земли на вечное пользование» [*Бурятские летописи*, 1995, с. 134].

Завершаются повествования о переселении из Монголии описанием обустройства жизни на новом месте. Сюда входят рассказы об учреждении нового порядка управления, о пожаловании бурятам различных званий и должностей, о проведении границы, которая окончательно отделила бурятские земли от Монголии.

Нетрудно заметить, что две группы мотивов — объясняющие уход из Монголии и обосновывающие поселение на нынешних землях — взаимосвязаны. Очевидно, предания о переселении должны были объяснять, как и почему определенный бурятский род или племя оказались на своей нынешней земле и под властью своего нынешнего правителя. Отрицательные образы монгольских ханов, различные варианты мотива ссоры с ними обосновывали необходимость переселения из Монголии на новые земли, а представления о благодатности нынешних бурятских земель, положительный образ русского царя, мотив его покровительства доказывали, что переселение на север и принятие российского подданства пошло на пользу бурятам и улучшило их положение по сравнению с жизнью под властью монгольских ханов.

Подводя итог рассмотрению общей структуры преданий о переселении из Монголии, можно заключить, что в основе этой структуры лежит бинарная оппозиция, на одной стороне которой — жизнь до переселения, а на другой — после.

До переселения	После
войны и междоусобицы, жестокий и несправедливый хан, притеснения, преследование и месть	благодатная земля, добрый и справедливый «Белый царь», новый устойчивый порядок жизни

Такая структура характерна для «мифов основания», в которых точкой отсчета истории сообщества становится момент, отделяющий нынешнее состояние от предыдущего, причем нынешнее состояние мыслится как однозначно лучшее, чем прежнее, оставшееся по ту сторону точки отсчета [Schöpflin, 1997, p. 33]. Собственно, предания о переселении из Монголии и можно было бы назвать «мифами основания» бурятских племен и родов, которые через эти повествования определяют свою идентичность и объясняют свою историческую судьбу.

Заключение

Итак, предания о переселении из Монголии зафиксированы в устной традиции и исторических хрониках целого ряда бурятских племен и родов. Среди них — хори, хонгодоры, сартулы, сонголы, атаганы, ашебагаты, табангуты, хатагины, буряты подгородного и узонова родов и другие. Схожая историческая судьба и общие условия формирования новой идентичности обусловили схожесть нарративов, с помощью которых эти рода и племена говорили о своем прошлом. В структуре всех преданий о переселении выделяется два основных компонента. Первый — рассказ о тяжелой жизни в эпоху монгольских междоусобиц, о разногласиях и конфликтах с монгольскими ханами, о бегстве на север в поисках лучшей жизни. Второй компонент составляет повествование о поселении на новых благодатных землях и приходе под защиту доброго и справедливого «Белого царя», об установлении новой — мирной и упорядоченной жизни. Обнаружение такой характерной структуры позволяет нам заключить, что в исторической традиции этих сообществ данные предания служили «мифами основания», обосновывающими их идентичность в качестве отделившихся от других монголов и принявших российское подданство этнических групп.

Список литературы / References

1. Балдаев С. П. *Родословные предания и легенды бурят*. Отв. ред. и сост. Т. Е. Санжиева; науч. ред. А. И. Уланов, Т. Е. Санжиева. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019 [Baldaev S. P. *Genealogies and Legends of Buryats*. Ex. ed. and comp. T. E. Sanzhieva; sc. ed. A. I. Ulanov, T. E. Sanzhieva. Ulan-Ude: NovaPrint, 2019 (in Russian)].
2. *Бурятские летописи*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1995 [*Buryat chronicles*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1995 (in Russian)].
3. *Бурятские сказки и поверья*. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение», 1899 [*Buryat tales and myths*. Irkutsk: Tip. gazety "Vostochnoe obozrenie", 1899 (in Russian)].
4. *Небесная дева лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды*. Составление, запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992 [*Heavenly maiden swan. Buryat tales, folk stories and legends*. Comp. and recording by I. E. Tugutov, A. I. Tugutov; transl. and foreword by A. I. Tugutov; comments by I. E. Tugutov, A. I. Tugutov,

- L. N. Nurkaeva. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1992 (in Russian)].
5. Санджэ-Сурун (Раднаева Г. Ж.). *Вечный круговорот времен (Из жизни народа) = Ye saguудай мүнхэ эрьесэ (Арад зоной ажабайдалгаа)*. Т. 6. Улан-Удэ: НоваПринт, 2017 [Sandzhe-Surun (Radnaeva G. Zh.) *The eternal cycle of times (from the life of the people)*. Vol. 6. Ulan-Ude: Novaprint, 2017 (in Russian and Buryat)].
  6. Туденов Г. О. «Легенда о Бальжин-хатун» — один из первых памятников дореволюционной художественной бурятской литературы. *Бурятская литература*. Улан-Удэ: БИОН БФ СО АН СССР, 1972. С. 158–176 [Tudenov G. O. “Baljin qatun legend” — one of the first literary monuments of prerevolutionary Buryat literature. *Buryat literature*. Ulan-Ude: BISS BF SB AS USSR, 1972, pp. 158–176 (in Russian)].
  7. Тулохонов М. И. *Бурятские исторические песни*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973 [Tulokhonov M. I. *Buryat historical songs*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1973 (in Russian)].
  8. Хангалов М. Н. *Собрание сочинений*. В 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004 [Khangalov M. N. *Collected works*. In 3 vols. Vol. III. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografia, 2004 (in Russian)].
  9. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972 [Tsydendambaev Ts. B. *Buriat Historical Chonicles and Genealogies (Historical and Linguistic Investigation)*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 1972 (in Russian)].
  10. Schöpflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths. *Myths and Nationhood*. Ed. by G. Hosking and G. Schöpflin. New York: Routledge, 1997, pp. 36–59.

Информация об авторах

Дебенова Зинаида Анциферовна — стажер-исследователь лаборатории «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия; debenova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8824-6624>.

Исаков Александр Викторович — младший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия; alexandr_isakov98@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-9683>.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LITERATURE OF THE EAST

Debenova Z. A., Isakov A. V. Narratives about migration from Mongolia
Orientalistica. 2024;7(2):420–431

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена рецензентами 05.04.2024; принята к публикации 07.04.2024; опубликована 20.07.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Zinaida A. Debenova — Trainee Researcher at the Laboratory “Center for Translations from Oriental Languages” of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetological Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia; debenova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8824-6624>.

Alexander V. Isakov — Junior Research Fellow of the Department of Literary Studies and Folklore Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia; alexandr_isakov98@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-3416-9683>.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 07.04.2024; published 20.07.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.